

К 150-летию Максима Горького

Алина БАКАЕВА

БОЛЬШЕ ЧЕМ РОМАН

(Роман М. Горького «Мать»)

«Повесть Горького „Мать“ по праву должна быть названа эпохальным, классическим памятником социалистической культуры», — в этих словах С. В. Касаторского, пожалуй, заключена вся суть отношения предыдущей и нынешней культур к горьковскому произведению.

И действительно, прочитывая «Мать» как историйку о первых социалистах, борющихся с несправедливостью общества и более — мира, сложно поименовать ее как-то иначе, кроме как повесть. Стоит ли говорить, насколько «повесть» оказалась успешной? Через два года после выхода «Мать» была переведена более чем на шесть языков мира, при жизни автора дважды была экранизирована и несколько раз поставлена на сцене.

При всем этом совершенно неудивительно, что «повесть о семье революционеров» с кризисом социализма стремительно теряет свое первенство в литературных кругах. Смена власти и культурных ориентиров приводит к тому, что роман больше не интересен как современный памятник, у него больше нечему учиться. И постепенно произведение забывается, исключается из программ обучения, то есть умирает вместе с изображенной эпохой.

Так ли это на самом деле? — вопрос, который необходимо задать себе, открывая любое произведение. И ответ может оказаться неожиданным, а применительно к данному тексту вызывающим: «Мать» — не повесть и даже не «роман социалистического реализма», а больше чем роман.

Роман Горького располагает глубоким потенциалом для нового прочтения. С одной стороны, он может быть прочитан по-ленински «очень своевременно», а с другой стороны, не менее своевременно, но по-евангельски. Весь текст романа, особенно первая его часть, пронизан евангельскими мотивами, которые, казалось бы, мало чем могут быть связаны с основным повествованием.

Библейские аллюзии, насыщающие роман, немаловажную роль играют в персонажном плане романа.

Павел и Андрей, носители новых идей в романе, выбирают трудный путь к правде, жертвенный путь, и в этом смысле не будет никакой ошибки, если назвать их апостолами новой веры, даже имена у них соответствующие.

Павел Власов — центральная фигура кружка революционеров. Его путь можно охарактеризовать как путь прозрения. Мотив слепоты (не только главных героев, но и всех

Алина Валерьевна Бакаева родилась г. Козельске Калужской области. Окончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Дипломная работа посвящена творчеству М. Горького. В настоящее время — магистрантка РГГУ. Живет в Москве.

людей на земле) становится ведущим в «Матери»: *«Бывало — ходишь, ходишь около человека, прежде чем что-нибудь скажешь ему от души, а теперь — всегда душа открыта, и сразу говоришь такое, чего раньше не подумала бы».*

Роман строится по житийному образцу. Начинается повествование с тяжелого детства героя: пьющий отец, который вечно избивал его и мать, — вот что видел маленький Павел. После смерти отца он идет работать, пробует пить водку и ходит на гулянья. Мать в сердце переживает за сына и говорит, что он не по годам строг, как монах, что также характерно для героев житийной литературы. Но однажды Павел приносит домой картину с изображением воскресшего Христа, идущего в Эммаус. Этот момент можно назвать чудом прозрения сына. В 24-й главе Евангелия от Луки говорится, что Христос явился двум ученикам своим, но они не узнали его. Только к вечеру после того, как Иисус преломил хлеб и дал им, они прозрели, но он исчез. Вскоре он явился своим ученикам и сказал, чтобы они во всех народах земли проповедовали его учение. Картина, принесенная Павлом, символизирует собой переход с пути неправедного на путь истинный.

Именно вокруг Павла собираются люди. Сначала это его товарищи-социалисты: хохол с доброжелательными и веселыми глазами, Наташа с «простым лицом крестьянки», угрюмый Весовщиков, «большелобый» Федя Мазин, «круглоголовый, белобрысый» Иван Букин, Сашенька с «густыми темными бровями». После случая с «болотной копеей» к Павлу потянулся и рабочий народ: *„Социалист, а — не дурак“, — заметил кто-то*. Апогеем становится первомайская демонстрация, после которой люди осознают, что дети за правду погибать пошли. Мы видим, как постепенно, вопреки суровости и строгости Павла, окружающие прислушиваются к нему и загораются новой верой. *«В тесной комнате рождено чувство духовного родства рабочих всей земли»,* — это заразительное чувство охватывает всех, кто находится рядом с Павлом. Создается впечатление, что даже на суде его речь на мгновение выводит судей из равновесия.

В отличие от Павла, Андрей Находка — парень с «открытой» душой: с кем бы ни разговаривал хохол, все чувствовали рядом с ним спокойствие. Если сердца всех — это колокол, то хохол приобретает конкретные черты части этого колокола: *«раскачиваясь, точно язык колокола, говорил своим звучным, гудящим голосом что-то простое и доброе, отчего все становилось спокойнее и серьезнее».* Андрей предстает в романе как сын своей земли; он не знает, кто его мать, спрашивает у Ниловны, не может ли она быть его матерью. Все это еще более усиливает его романтическую натуру. Мысли и идеи о будущем царстве добра и о людях, горящих одним огнем, передаются в романе словами Находки. В одной из речей Андрея поется гимн свободе и свободному человеку: *«Будут ходить по земле люди вольные, великие свободой своей, все пойдут с открытыми сердцами, сердце каждого чисто будет от зависти, а — служение человеку, образ его вознесется высоко; для свободных — все высоты достигаемы!»* В какой-то степени за этими словами стоят все ранние герои Горького, можно сказать, что даже сам писатель, и в целом простой и радостный хохол оказывается ближе автору, чем другие герои.

Всех героев, вопреки разнице возрастов, взглядов и мнений, несущих новую веру, объединяет одна черта, которую можно назвать *детскостью*. Если Павел и Андрей время от времени пропадают со страниц произведения (сидят в тюрьме), то Ниловна — единственная, кто видел весь процесс деятельности революционеров романа от начала до конца. Ей принадлежат слова: «в мир идут дети», — и она постоянно подчеркивает мысленно, что все — и Павел, и его товарищи — ведут себя как дети. Этот мотив проходит через весь роман: буквально в 5-й главе первой части романа мать впервые думает о словах сына о запрещенных людях: *«Дитя еще!»* Первые собрания в доме Власовых выглядят как дружеские беседы: *«Все становилось странно, как-то по-*

детски счастливы, смеялись веселым, ясным смехом, ласково хлопали друг друга по плечам». Дети́ми она называет Весовщикова и Николая Ивановича, которые разучивают пароли и знаки для опознания «своих».

Именно эта черта должна быть более всего присуща апостолам и тем, кто стремится в царство добра.

В Библии сказано: *«Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное»* [Матф. 18:3]. Параллель между Царством Небесным и Царством доброты сердечной, о котором говорит Андрей и о котором речь пойдет в дальнейшем, отсылает нас к библейскому мотиву восхождения по ступеням наверх. Герои-дети с каждым собранием встают на новую ступень на пути к новой религии: *«Каждую субботу к Павлу приходили товарищи, каждое собрание являлось ступенью длинной пологой лестницы, — она вела куда-то вдаль, медленно поднимая людей»*. «Поднимаясь» вместе, герои как бы выполняют еще одну библейскую заповедь: *«Возлюби ближнего твоего, как самого себя»* [Матф. 23:39].

Подобно евангельским апостолам, герои романа пытаются привести людей к правде, к новой счастливой жизни. Но как Иисус говорил своим ученикам: *«Остерегайтесь же людей; ибо они будут отдавать вас в судилища, и в синагогах своих будут бить вас»* [Матф. 10:17], — так и члены кружка знают, что никто не поверит им с первого слова и что не избежать им в итоге наказания. Кажется, что никого это не страшит; все понимают, что нужно «говорить», и они «говорят» (*«Не заботьтесь, как или что сказать, ибо в тот час дано будет вам, что сказать...»* [Матф. 10:19]).

И если Павел и Андрей — Дети, то Ниловна — это Мать. Героиня, как и ее сын, проходит путь прозрения и своеобразного перерождения. Однако, несмотря на кровное и духовное родство, пути прозрения матери и сына во многом отличаются.

Советское литературоведение видело в образе Ниловны становление будущей женщины-революционерки. Забитая женщина превращается в человека с несгибаемой большевистской волей. Но помимо того, что Ниловна — мать-революционерка, она еще и воплощение высокого гражданского чувства: по ходу действия романа «матерью» Ниловну называет все большее число людей, что говорит о ее материнской любви ко всему рабочему народу.

Поначалу слова о революционной деятельности Павла пугают мать, но, увидев всех этих «детей», постепенно она начинает испытывать к ним более глубокие чувства. Несомненно, в романе ярко вырисовывается мотив превращения Ниловны — матери одного сына — в Мать всей земли. Но связано ли это с выражением гражданского долга? За этим стоит нечто более сложное, чем социалистическая идея служения обществу.

Духовное родство Ниловны и Павла зарождается в их первом разговоре о книгах, которые читал молодой человек: *«Все это задевает ее за сердце, наполняя его чувством гордости за сына, который верно понял жизнь своей матери, говорит ей о ее страданиях, жалеет ее»*.

Матерей — не жалеют» [8,19].

А в поступках хохла, «приемного сына», которому мать предлагает жить в ее доме, ощущение кровного родства с Ниловной усиливается: он помогает ей по хозяйству, утешает ее, учит читать. Он называет ее «ненько», что с украинского переводится как «мамочка» («мать» с уменьшительно-ласкательным значением). В отличие от неистового революционера Павла, Андрей в лице Ниловны находит свою настоящую потерянную мать.

Ниловна живет с Николаем и его сестрой Софьей, словно мать с детьми: в первый же день она берет на себя все заботы о быте; к Ниловне приходит ночевать после тюрьмы Весовщиков; Сашенька ходит к ней искать материнской поддержки. Не революционерку видят все они в Ниловне, а Мать, женщину, которая умеет любить и жалеть

и с которой становится спокойнее. Функция же Ниловны как революционерки работает на расширение области распространения ее Любви: чем больше «детей» узнают о ней, тем шире становится ее «материнское».

Скоро мать начнет переосмысливать воплощение веры на земле. Так или иначе, в мире героини происходит разлом старых убеждений, и она воскресает как Мать всех.

Если в образах Павла и Андрея прочитывается апостольский подтекст, то Ниловна оказывается героем более сложным для восприятия и интерпретации: сложно сказать так же уверенно, как об апостолах, что Ниловна является воплощением Богородицы. Мать вбирает в себя много идей раннего творчества Горького, в том числе, языческие мотивы. Само имя Богородицы говорит о том, что она родила Бога; она почитается как Царица небесная, что скорее говорит о покровительстве ее над кем-либо. Если Ниловна и божество, то божество отчасти языческое, в котором подчеркнуто плодоносящее начало (во сне она беременна). Она воспринимается не как покровитель, а как настоящая мать, кровная («*Всем вы им нужны — всем!*»). Она будто становится тем фактором, который способен сравнять всех, чтобы родился новый Бог.

Параллельно с тем, что в Ниловне воскресает Мать, растут в ней ненависть и злоба к тем, кто мешает ее сыну нести в мир правду. А такое отношение не характерно для христианского образа Богородицы.

Тот Бог, в которого верит Пелагея Ниловна, тоже очень странный: это не христианский пугающий Бог, которого хотят свергнуть, а милосердный. В этом смысле в образе Ниловны угадываются зачатки будущего образа бабушки Акулины из всем известного «Детства» Горького, которая сочетала в своей вере языческую и христианскую стороны.

Иногда такое сочетание встречаем мы и в восприятии некоторых событий глазами Ниловны, например, на суде ей кажется, что тело ее сына и его товарищей вызывает у судей зависть и звериную жажду насытиться плотью. С одной стороны, это сближает героев с образом Христа, которого из зависти признали виновным, оправдав узника Варавву. Но с другой стороны, подчеркнутые «звериные» черты и желание поглощения плоти говорят уже не о евангельском, а о языческом контексте (например, миф о растерзанном Дионисе).

Возможность такого разнородного прочтения образа главной героини романа в очередной раз говорит о том, что роман «Мать» не замыкается на теме рождения у старухи чувства гражданского долга.

Герои не только по образу жизни и по поведению своему похожи на апостолов, они и говорят перифразами библейских текстов. Идеи социалистического движения, представленные на страницах «Матери», имеют ярко выраженный библейский характер. «*Мы должны построить мостик через болото этой гниющей жизни к будущему царству доброты сердечной, вот наше дело, товарищи!*» — восклицает Андрей Находка буквально на первых страницах романа. Упоминание о будущем царстве, подобном царству небесному, вообще характерно для речи героев: царство доброты и света — вот к чему стремятся переустроители жизни.

В связи с этим появляется мотив брошенного зерна, о котором в Библии читаем:

«*Царство небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем. Когда же люди спали, пришел враг его, и посеял между пшеницей плевелы, и ушел*» [Матф. 13:24–25].

Доброе семя — это правда, которую революционеры сеют в людях («*Он правду знал и много посеял ее в людях*»), плевелы — это ложь, обиды и злость, проросшие в этом мире и сделавшие жизнь такой несчастной («*...мы не глупы, не звери, не только есть хотим, — мы хотим жить как достойно людей!*»). Каторжный труд, изуверства и жи-

вотная злоба поглотили народ, не давая ему возможности даже подумать о другой жизни; так, например, Ниловна совсем не помнит своего прошлого.

Мотив сеяния может быть интерпретирован в романе и через призму притчи о сеятеле, где говорится о зерне на дороге, о зерне на камне и о зерне на доброй земле. Доброй землей в романе оказывается среда революционеров, где активно развивается борьба за правду. Во второй части «Матери» мы видим, что, несмотря на заключение Павла, деятельность революционеров продолжает расти, в канву романа включается все больше молодых персонажей, например, семнадцатилетний Иван, который восхищенно рассказывает о матери-революционерке, о Власове говорят как о герое, чем очень гордится Пелагея Ниловна. В деревне же, напротив, зерно упало на каменистую землю, большинство людей отнеслись к новой идее с недоверием, а Рыбина, который добровольно ушел в деревню «сеять правду», сам же народ и связал, как предрекла ему Ниловна в начале его пути.

Но прежде чем учить других правде, нужно самим учиться — вот еще одно правило, о котором не единожды упоминается в произведении: *«Прежде, видишь ты, надо голову вооружить, а потом руки, думаю я»*. Так и Иисус говорил, призывая двенадцать апостолов: *«Жатвы много, а работников мало»* [Матф. 9:37]. Тема воспитания создателей новой веры имела большое значение для Горького.

Пропагандистская работа членов кружка тоже имеет библейские отсылки: листовки с речью Павла на суде Ниловна преподносит как «Слово сына».

Очень часто темами разговора персонажей становятся христианские заповеди и переосмысление их.

«А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...» [Матф. 5:22].

Николай Весовщиков, один из членов кружка революционеров, хочет убить Исае-табельщика, который шпионит за собраниями в доме Власовых. И однажды утром Ниловне кричит соседка, что Исая Горбова убили. За обедом она, ее сын Павел и его товарищ Андрей говорят об убийстве: можно убить человека, который стал зверем для людей, говорит Павел, но убийство такого жалкого человека, как Исая, — это что-то пустое и ненужное.

Однако Андрей возражает на это, что и комара давят, а убить за товарищей — это необходимость: *«Если на пути честных стоит Иуда, ждет их предать — я буду сам Иуда, когда не уничтожу его!»* Рассуждения в таком ключе наводят читателя на мысль, что хохол может быть предполагаемым преступником, но оказывается, что Андрей ударил Исаю раз, но видел, как его избивал Драгунов, и «позволил» случиться убийству. *«Он искоса взглянул на руку и сказал: — Всю жизнь, наверно, не смою я теперь поганого пятна этого»*, — таким образом, встает вопрос о гневе как о грехе, о вине за другого и об убийстве души.

Андрей ударил человека, недостойного, по его мнению, даже того, чтоб к нему прикасались, от этого ему больно, душа его была запятнана. Однако чувство вины делает его настоящим человеком, потому что «другие», идеологические враги, убивают миллионы без сожаления. Убийство, каким бы оно ни было, остается преступлением, губительным для человеческой души.

«А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую...» [Матф. 5:39].

С этой частью Нагорной проповеди спорят герои «Матери», с ней спорил и сам Горький. Мотив обиды проходит почти через всю галерею революционеров романа: в лице Николая Ивановича мать видит тяжелую ношу того, что не может ничего простить другим, Татьяна, жена мужика Степана, не может простить ни людям, ни Богу смерти детей. Но самые важные и смелые слова принадлежат Андрею Находке: *«Я не должен*

прощать ничего вредного, хоть бы мне и не вредило оно. Я — не один на земле! Сегодня я позволю себя обидеть и, может, только посмеюсь над обидой, не уколет она меня, — а завтра, испытав на мне свою силу, обидчик пойдет с другого кожу снимать».

Непротивление злу для Горького — проигрышный вариант борьбы, потому что человек должен именно действовать, подниматься и расти. Накопление обиды приводит человека к тому, что он становится пугливее и глупее. Не столько желание отомстить за свои раны, сколько стремление показать другим, что «я» такой же, как и «вы», движет всеми героями произведения.

Рядом с мотивами убийства и непротивления злу стоит мотив жертвы. Характерно то, что формула «умереть во имя чего-то» чаще всего встречается в среде народной, у людей, которые ближе всего к Богу христианскому (Ниловна) или которые были близки ему, но отказались от него (Рыбин). Разговаривая с Павлом о «деле», Михаил Рыбин просит у него книг для деревни, чтобы и там «народ на смерть полез»: *«Смертью смерть поправ — вот! Значит — умри, чтобы люди воскресли. И пусть умрут тысячи, чтобы воскресли тьмы народа во всей земле!»*

Точно так говорит о деле своего сына и Пелагея Ниловна: не было бы Христа, если бы люди за него не умирали. В отличие от «убийства ради дела», переосмысленный в евангельском смысле мотив личной жертвы получает в романе положительную коннотацию. Понимание членами кружка Павла того, что за их действиями последуют тюрьма и каторга, в каком-то смысле тоже рассматривается как самопожертвование. Не зря в конце первой части Ниловна восклицает: *«Сердечные мои — ведь это за весь народ поднялась молодая кровь наша, за весь мир...»*

Переосмысляется в романе отношение человека к Богу, вере и церкви. Ключевым в этом вопросе становится мотив подмены религии: *«Значит, по-моему, и богом обманули нас? Так. Я тоже думаю, что религия наша — фальшивая».*

Бога исказили, чтобы использовать его против людей, чтобы лишить их души. Бог создал человека по образу и подобию своему, замечает Рыбин, но человек подобен дикому зверю, значит, в церкви показывают не того бога. Отсюда выходит идея о том, что церковь — это могила для веры. Настоящая же вера живет в сердцах и разуме людей. Именем церковного бога запугивают людей, вселяют в их души страх и тем самым подчиняют «воле немногих». Один раз очерчивается в романе противопоставление, характерное для будущей трилогии Горького: речь идет о двух богах — злом боге, от которого надо освободить людей, и добром боге, боге милосердном, в которого верит Ниловна.

Но в конечном итоге и Ниловна начинает переоценивать церковное учение: в храмах города очень много украшений из золота, а на паперти стоят нищие — кому сильнее нужно золото, Богу или беднякам? Ниловна думает о том, что Богу ни к чему золото, в ее представлении, Христос — бедняк, который одевался просто и был другом бедных. В церкви его изображают в золоте, прививая отвращение к нищете. Получается, что и у Пелагеи Власовой, христианки, которая плакала при первых безбожных разговорах сына, внутри зарождается новый Бог, со светлым и радостным лицом.

Вывод, к которому приходят героини-социалисты, получается таков: людям нужно сотворить нового Бога. Именно с идеей сотворчества и связана программа кружка Павла. В сцене с болотной копеечкой звучит первое «слово» об идее соборности: *«Один за всех, все за одного — вот наш закон, если мы хотим одолеть врага!»* Изначально фраза кажется затертой и избитой, но в контексте всего романа, с дальнейшими прокламациями героев, мы видим, что смысл ее не так и прост.

«Идет человек, освещает жизнь огнем разума и кричит, зовет: „Эй, вы! Люди всех стран, соединяйтесь в одну семью!“ И по зову его все сердца здоровыми своими кусками слагаются в огромное сердце, сильное, звучное, как серебряный колокол...» — вот ключо-

ческое положение программы будущего переустройства мира. Если разбить его на две части, то мы получим, что лозунг социал-демократов «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» приобретает метафорическую оболочку — слияние сердец в одно, горящее единым огнем. Если быть точнее, то это не просто романтические тенденции раннего творчества Горького; сильное сердце — это сердце Данко, освещающее людям дорогу во тьме. Но теперь это не должна быть чья-то конкретно плоть, только всеобщая близость может стать чем-то поистине великим.

Говоря о романтической символике в «Матери», мы не можем не обратить внимания на образ черной птицы: *«Теперь толпа имела форму клина, острием ее был Павел, и над его головой красно горело знамя рабочего народа. И еще толпа походила на черную птицу — широко раскинув свои крылья, она насторожилась, готовая подняться и лететь, а Павел был ее клювом...»*

Черная птица — это буреви́стник, который из аллегории в песне 1901 года превратился в конкретный образ толпы.

Появляется в романе сравнение соборности, присущей русскому народу, с колоколом. Звон колокола вообще можно интерпретировать как призыв к борьбе, в нашем случае — к революции. С другой стороны, это глас церкви, обращенный к народу. В обоих вариантах важно то, что колокол «звучит». Звучность — качество, которое связано не только с громкостью произносительной или воспроизводимой единицы, но и с ее красотой, мелодичностью.

В этом смысле показательна следующая метафора: кто-то может считать себя единственным хорошим человеком на земле, но окажется, что и у других в груди не хуже. От этого становится совестно — *«зачем на колокольню лез, когда твой колокольчик такой маленький, что и не слышно его во время праздничного звона? Дальше увидишь, что твой звон вхору слышен, а в одиночку — старые колокола топят его в своем гуле, как муху в масле»*. Весь роман — это большая иллюстрация к этой метафоре.

Рыбин, например, в каком-то смысле проигрывает борьбу из-за нежелания работать с господами. Он понимает, что средства на агитационную работу товарищам Владова дает именно «барство», богачи или попросту те, против кого и «воюют». И Михаил Иванович не хочет и не может с этим смириться. Его уход в деревню, видимо, изначально не мог окончиться успешно. И дело не столько в том, что народ бы его не принял. Неоднократно он делает акцент в разговорах на происхождении его собеседника:

«Вы — барыня? — вдруг оборвав рассказ, спросил Рыбин Софью.

— Почему я барыня? — быстро спросила она его, вздрогнув от неожиданности.

— Почему! — усмехнулся Рыбин. — Такая судьба, с тем родились! Вот. Думаете — ситуевым платочком дворянский грех можно скрыть от людей? Мы узнаем попа и в рогоже».

«Грех» — ключевое слово для раскрытия идеологического мира героя. Несмотря на то, что Рыбин говорит о большей значимости сердца перед разумом, что настоящая сила — это доброта, сам он не может следовать своим заветам по отношению ко всем людям. *«А с господами не пойду. Они, когда понадобится, толкнут меня вперед — да по моим костям, как по мосту, дальше зашагают»*, — залог его поражения состоит в том, что он не может доверять тем, кто выше его на социальной лестнице.

Мало для воплощения новой религии объединения только народной или только рабочей сфер общества.

«Все — для всех, все — для всего!» — такую характеристику дает Ниловна деятельности сына и его товарищей. В ее уста вложены слова и о рождении нового бога: *«Как хорошо это, когда знаешь, что уже есть в жизни свет для всех людей и — будет время — увидят они его, обнимутся с ним душой! <...> Ведь это — как новый бог родится людям!»* Через формулу «все — для всего» раскрывается отчасти концепция горьковского богостроительства: все должны стать равными друг другу. И эти все не есть

только рабочие, это все, живущие на земле. Не случайно Андрей призывает к объединению людей всех стран, так не случайно и то, что революционеры рассказывают народу о собратях-французах.

Таким образом, в «Матери» отдельные высказывания того или иного героя как части мозаики складываются в общую идеологическую картину. Нельзя сказать, что в романе дается логически выстроенная программа действий, но мы с уверенностью говорим, что перед читателем выстраивается один из путей поисков нового Бога и новой религии, характерного для творчества Горького 1900-х годов.

Глубокий евангельский подтекст произведения дает нам возможность утверждать, что «Мать» на самом деле больше чем роман в духе соцреализма. Сложно сказать, была ли у Горького сознательная установка на создание собственного Евангелия, но отрицать диалога между «Матерью» и Библией мы не можем. Связь текстов можно назвать скорее типологической, так как в тексте, помимо христианского, есть отголоски языческого мировосприятия (Мать всей земли). Для творчества Горького характерно смешение различных идей, поэтому исследователю не всегда просто определить, на какой позиции стоит автор, а иногда это попросту невозможно.

Было бы большой ошибкой воспринимать произведение как отход Горького от направления его философско-эстетической мысли. В тексте романа сталкиваются идеи и мотивы раннего творчества писателя. Вера писателя в силу революции заставляет его обратиться именно к революционерам (как он обращался к сказочным героям, боснякам, купцам), что для него становится своего рода полем для эксперимента, подобно поиску Человека среди босяков.

Факт того, что эксперимент принимает форму диалога с евангельским текстом, делает произведение более насыщенным в идеологическом и символическом планах. Неудачно оконченный эксперимент еще не говорит о поражении писателя в целом. Эксперимент окончится неудачно, и Горький будет искать новую область, в которой прорастет зерно «нового Бога».

Трудно также сказать, понимал ли Горький в то время, пока писал роман, что его поиск в этом месте (в вере в силу революции) будет отчасти безуспешен. Однако есть основания полагать, что пусть и бессознательно, но эта идея была в нем: первая часть «Матери», содержащая основную массу программных положений, более удачна, чем вторая, в которой говорится о непосредственной реализации программы в среде рабочих. Кроме того, светлое будущее, нарисованное героями, так или иначе, разукрашено кровавыми красками: за него надо умирать; а фабрики темно-красного кровавого цвета, как и прилегающая к ней колокольня, угнетают и делают человека еще меньше, чем он есть на самом деле.

Задуманное продолжение романа, которое должно было иметь название «Сын», реализовалось лишь в цикле рассказов («Мордовка», «Лето», «Романтик»). Так и ненаписанный второй роман можно расценивать как осознание того, что «почва неплодородна для брошенного в нее зерна».